

Митрополит Литовский и Виленский Иосиф (Семашко): возрождение Православия в 1840-50-е годы

Имя митрополита Литовского и Виленского Иосифа (Семашко) неразрывно связано с воссоединением униатов с православными в 1839 г. Это громкое событие часто заслоняет последующую деятельность митрополита Иосифа, направленную на утверждение Православия на белорусско-литовских землях. Между тем, она отличалась напряженностью и оказала значительное влияние на становление Православия в белорусско-литовском крае после нескольких столетий господства Католицизма. Деятельность владыки в эти годы была весьма разносторонней. Охватить все ее аспекты в ограниченном объеме статьи не представляется возможным.

Уничтожение Унии поставило перед Русской Православной Церковью масштабную и сложную проблему. Нужно было сделать полуторамиллионную воссоединенную церковную общину своей естественной и неотъемлемой частью. Между тем бывшие униаты во всех отношениях не были похожи на православных. Их приходы были рассеяны по обширным пространствам современных Белоруссии, Литвы и Украины. Во многих местностях они перемежались с древлеправославными приходами. Убогие, часто крытые соломой, далекие от благолепия храмы. В них стояли на скорую руку кое-как сколоченные из простых досок с минимальным количеством православных и униатских икон иконостасы, сохранялось большое количество католических икон, литургических сосудов, облачений, монстранций и проч. Богослужение во многих местах совершалось и по православным, и по униатским книгам, не единообразно. В службах использовались колокольчики, после служб и во время погребений пелись песнопения на польском языке. Праздновались католические праздники, крестные ходы совершались по чину Римской Церкви. Духовенство имело вид ксендзов. Оно в общении с прихожанами и в домашнем быту употребляло польский язык. Многие жены священников и их дети были католиками римского обряда по официальному вероисповеданию. Принципы материального обеспечения клира существенно отличались от принципов содержания духовенства во внутренних губерниях России. Некоторые церкви пользовались фондами. Им принадлежали имения с крепостными крестьянами. Духовные лица, особенно происходившие из шляхетских родов, имели земельные владения, иногда и крепостных. Особенности отличались взаимоотношения духовенства и простого народа. Священники относили себя к высшему сословию, а потому часто свысока смотрели на свою паству. Верующие молились по-польски, не носили нательных крестиков, приветствовали друг друга словами: «Нех бендзе похвалёны Езус Хрыстус», во время служб шепотом читали молитвы по польским молитвенникам. В их среде сохранялся дух православного благочестия, но формы благочестия слишком часто были польские и латинские. Многие, как и в прежнее время, посещали костелы.

Положение осложнялось продолжающимся экономическим, культурным, моральным господством польской и полонизированной знати. Православные русские люди мало общего находили между собой и воссоединенными. Не замечали они и родственность духа. В 1843 г. епископ Рижский Филарет, бывший в Вильно на хиротонии преосвященного Платона, епископа Ковенского, викария высокопреосвященного Иосифа, писал Московскому святителю Филарету: «Довелось мне быть в самом их (т.е. воссоединенных – А.Р.) священном месте – в Жировицком монастыре. Есть нечто, близкое к душе – чудотворный образ Божией Матери. Но это – не Москва, даже и не Ростов, даже – не Ярославль или Владимир. Нет – что-то есть чужое, не русское во всем, на что ни довелось смотреть. Стараются вводить русское Православие – и относительно внешности во многом успели. Но... недостает самого важного – духа благочестия русского. Папство так испортило дух русский, так исказило русскую душу то смешными обрядами, то скрытою холодностью к вере, что много еще нужно времени, много нужно ревности к русскому благочестию, чтобы здешний русский край был русским не по одному имени» .

Для полной интеграции воссоединенных нужно было решить задачу, которая распадалась на две составляющие: внешнюю и внутреннюю, иначе говоря, – духовную. Чтобы достичь внешнего единства, требовалось: 1) соединить воссоединенные и древлеправославные приходы в одно целое церковно-административными мерами; 2) завершить начатую во время подготовки ликвидации унии реформу богослужения; 3) унифицировать с практикой Русской Церкви правовую, материальную и образовательную базу служения духовенства; 4) привести храмы в достойный, соответствующий господствующему в стране исповеданию вид. Внутренняя составляющая заключалась в восстановлении в полноте духовной жизни и форм благочестия, свойственных Восточной Церкви, замутненных долгим пребыванием под латино-польским влиянием. Поскольку постановлениями Полоцкого собора воссоединенным оставлялись местные обычаи и особенности, не противоречившие православному вероисповеданию, то о переделке белорусского духовенства, а тем более народа по великорусскому образцу речи не шло и не могло идти.

Очевидно, что духовная составляющая проблемы была чрезвычайно сложна, деликатна, требовала очень продолжительного времени. В идеале она должна была решаться на основании внешних преобразований. Поэтому сразу после Полоцкого собора правительство и Св. Синод во главе с обер-прокурором графом Н.А. Протасовым занимались исключительно ими. О внутреннем состоянии воссоединенных если и говорили, то не слишком задумывались, тем более, что владыка Иосиф, авторитет которого в результате успеха воссоединения в глазах власти очень вырос, убеждал всех, что на начальном этапе довольно будет единства веры и богослужения, а все остальное придет потом. Конкретного плана внешнего преобразования воссоединенных после Полоцкого собора не существовало. Был только намечен организационный подход к проблеме. Согласно замыслу окончательного воссоединения, предложенному святителем Филаретом, принятому Секретным комитетом по униатским делам, православные и воссоединенные епархии западных губерний должны были на какое-то время получить особую структуру церковного управления. В постановлении, утвержденном комитетом на заседаниях 22 и 26 декабря 1838 г., говорилось о необходимости на некий переходный период сохранить Греко-униатскую духовную коллегия, подчинив ее Св. Синоду и переименовав ее название. На коллегия возлагалась обязанность провести комплекс первоначальных мероприятий, объем и содержание которых не были определены. После завершения переходного периода, который не обозначался ни хронологическими, ни какими-то другими рамками, она подлежала упразднению. Во исполнение постановлений Секретного комитета Греко-униатская духовная коллегия 3 мая 1839 г. была передана из ведомства Пр. Сената в ведение Св. Синода и переименована в Белорусско-Литовскую. Высочайшим указом ее председателем был назначен архиепископ Иосиф.

Для владыки Иосифа возведение в сан архиепископа и назначение председателем Синодальной коллегии было большим карьерным возвышением. Ему в это время принадлежал высший административный надзор за церковной жизнью во всех епархиях, где жили бывшие униаты. Коллегия под его руководством должна была осуществлять выбор достойных и способных к епархиальному управлению в крае кандидатов, представлять их Св. Синоду, заведовать доходами от церковных имений, разрешать важнейшие дела и недоуменные случаи по представлениям епархиальных преосвященных. Власть председателя Белорусско-Литовской духовной коллегии распространялась на церковную жизнь десяти губерний Западного края Российской империи: Киевской, Каменец-Подольской, Волынской, Минской, Могилевской, Витебской, Гродненской, Виленской, Ковенской и Белостокской области. Управляющие епархиями на этих территориях должны были исполнять распоряжения владыки Иосифа. Таким образом, вся тяжесть ответственности за воссоединенных легла на его плечи. Между тем положение высокопреосвященного было крайне сложным.

Польское и полонизированное белорусское дворянство совместно с римским духовенством пылало к нему ненавистью, ждали удобного момента для мести. Русское высшее общество, удивленное неожиданным для него уничтожением Унии, видело в архиерее-воссоединителе орудие насилия правительства Николая I над религиозной совестью католиков. Наиболее ярко его мнение выразил известный либерал П.А. Валуев: «Много ли искренности и много ли христианской истины в новейшем направлении, данном делам веры, в мерах к воссоединению раскольников и в отношениях к иноверным христианским исповеданиям? Разве краткие начала Евангельского учения утратили витающую в них

Божественную силу? Разве веротерпимость тождественна с безверием? Разве нам дозволено смотреть на религиозные верования, как на политическое орудие, и произвольно употреблять их для достижения политических целей? Летописи христианского мира свидетельствуют, что при подобных усилиях сокрушается премудрость премудрых и опровергается разум разумных. Святая Церковь не более ли нуждается в помощи правительства к развитию ее внутренних сил, чем в насильственном содействии к обращению уклонившихся или к воссоединению отпавших?... Быть может, что если бы наши пастыри несколько более полагались на высшую силу вечных истин, ими проповедуемых, и несколько менее веровали в пользу содействия мирских полиций, то их жатва была бы обильнее» .

Такое отношение усиливалось тем, что многие в России сочувствовали сосланным после восстания 1830-31 гг. полякам, находились под обаянием польской шляхетской культуры. К тому же белорусские земли все еще продолжали считать польской провинцией. Все, что осуществлялось здесь правительством в ущерб польских интересов, воспринималось неодобрительно.

В церковной среде высокопреосвященный Иосиф тоже не находил понимания. Среди высшего православного духовенства, не посвященного во все перипетии униатского дела, он считался хитрым честолюбивым чужаком. Некоторые не скрывали к нему презрения. Полтавский епископ Гедеон называл Иосифа «Иудой-предателем» . Преосвященный Порфирий Успенский так отзывался об архиерее-воссоединителе: «Архиепископ Иосиф кажется не столько умен, насколько хитр, не столько любочестив, насколько честолюбив. У него хвост лисий, а зубы волчьи» . Некоторые относились к владыке несерьезно, не понимая масштабов им совершенного. Например, митрополит Киевский Филарет (Амфитеатров), участвовавший в совместных богослужениях древлеправославных и бывших униатов в 1839 г. в Витебске, вернувшись, как член Св. Синода, в Петербург, в большом собрании и в присутствии архиепископа Иосифа позволил себе «пошутить», заявив, что он, проезжая по западным губерниям, присоединил униатов. Высокопреосвященный Иосиф отозвался на это в своих воспоминаниях: «Вот кто присоединил униатов, – подумал я не без скорбного чувства. – Подобные маленькие несправедливости случалось мне испытывать не раз и впоследствии; но я был на них готов заблаговременно и потому переносил благодушно» .

Глубинные причины недоброжелательства некоторых иерархов Русской Церкви к архиепископу Иосифу заключались в том, что для них он появился неожиданно и сразу занял достаточно почетное и значимое место в Петербурге. Они ничего не знали о длительной подготовке воссоединения, принципов, на которых оно строилось, роли владыки Иосифа в ней. Им было неизвестно, какие препятствия ему пришлось преодолеть, чтобы найти путь спасения в Православии. Поэтому они не могли быть уверены в его искренности и нравственной чистоплотности. Наконец, вслед за русским обществом епископы Русской Церкви крайне мало знали о религиозном и этно-культурном состоянии Западного края, видели, что воссоединение не было связано с православной миссией. Сверх того, миссию Русская Церковь в лице епископа Смарагда (Кржижановского) при поддержке обер-прокурора Св. Синода С.Д. Нечаева пыталась проводить после открытия православной Полоцкой кафедры в 1833 г., но она вдруг непонятным образом оказалась остановлена правительством в 1837 г., и в «благодарность» за сто тысяч обращенных униатов преосвященный Смарагод попал в немилость, был удален из мест компактного проживания греко-католиков. После воссоединения это не могло быть объяснено непосвященными иначе как интригами Семашко. Такова была плата за секретность воссоединительного проекта, за непонимание иерархами истории и сути религиозного противостояния в белорусско-литовских землях.

Стена недоброжелательства и непонимания, окружившая высокопреосвященного сразу после Полоцкого собора, ставила под сомнение не только успех его дальнейшей деятельности. Владыка Иосиф полагал, что во многих вопросах польская и полонизированная элита края совместно с латинским духовенством не смогут без раздражения относиться к укреплению Православия в Северо-Западном крае и пойти на компромиссы исключительно по причине негативного отношения к нему лично. В этом они легко могли найти поддержку у русского высшего общества. Поэтому даже свое присутствие в западных губерниях высокопреосвященный Иосиф считал вредным, а потому одновременно с утверждением акта воссоединения видел свою роль законченной. Благополучное совершение Полоцкого собора лишь укрепило решимость владыки. 26 февраля 1839 г. он подал императору записку, в которой просил об освобождении от несения архипастырского послушания в

западных губерниях с предоставлением пожизненного небольшого содержания и возможности частного проживания в столице империи. Архирей-воссоединитель хотел исполнения просьбы не сразу, а «после двух – трех лет служения», т.е. времени нужного, чтобы осуществить мероприятия по внешнему закреплению воссоединения в назначенный Секретным комитетом переходный период. Положение архипастыря осложнялось следующим обстоятельством: поскольку Белорусско-Литовская духовная коллегия представлялась временным учреждением, то по мере внешнего слияния воссоединенных с древлеправославными она должна была постепенно терять значение и, в конце концов, упраздниться. При этом, естественно, владыка лишался почетной и влиятельной должности, что со стороны должно было выглядеть как скатывание вниз по иерархической лестнице. Следовательно, чем эффективнее высокопреосвященный действовал на посту председателя Коллегии, тем скорее приближал свое «падение», т.е. он должен был трудиться против собственного положения и личного интереса. Мало того, врагами Православия «падение» Семашко должно было быть интерпретировано как наказание Божие за вероотступничество. Лучшего повода, чтобы опорочить воссоединение, укорить бывших униатов, затруднить им вхождение в православную семью, трудно было придумать. В 1839 г. владыка видел все, но не посчитал возможным отстраниться от дела, которому посвятил жизнь.

В течение 1839-42 гг., возглавляя Белорусско-Литовскую синодальную коллегия, архиепископ Иосиф осуществил первоочередные мероприятия по внешнему слиянию воссоединенных с древлеправославными. Была проведена иерархическая и церковно-административная реформа, правовые и материальные основы служения воссоединенного духовенства согласованы с общей практикой Русской Церкви. Несмотря на огромный объем проделанной работы, сделано было далеко не все, чтобы полностью внешне завершить воссоединение. Еще слишком многое предстояло изменить в литургической сфере, крайне остро стояла проблема состояния храмов. Здесь преобразования были только намечены. Правительство выделило средства на восстановление нескольких древних западнорусских святынь, Св. Синод безвозмездно снабдил все приходские церкви самой необходимой богослужебной литературой, значительные пожертвования в виде литургической утвари, икон, облачений сделали частные лица, в основном состоятельные москвичи. Но это была капля в море. Чтобы довести дело до конца одновременно и единообразно во всех местностях, разумно было продлить существование Белорусско-Литовской коллегии как направляющего и координирующего органа. Однако с выведением из ее компетенции епархиальных управлений по мере продвижения церковно-административной реформы она потеряла силу и авторитет.

К концу 1842 г. стало очевидно, что реализованные коллегией внешние мероприятия вполне устраивают правительство. Все дальнейшее оставлялось на усмотрение местных епархиальных начальств. Переходный период можно было считать законченным. В связи с этим архиепископ Иосиф считал свою миссию исполненной. 18 декабря 1842 г. он подал прошение о почислении его на покой. В нем он говорил, что никогда не ослеплялся по поводу своего будущего, знал, что польские патриоты и католическое духовенство из мести за прошлое, из страха перед его деятельностью не оставят его в покое. Он не видел вокруг себя сил, которые хотели бы его поддержать. Православное духовенство не знало толком об его деятельности, не могло питать к нему, чуждому и по воспитанию, и по привычкам, расположения. Особо владыка говорил о падении своего авторитета в связи с предстоящим закрытием Белорусско-Литовской коллегии: «... римляно-польская партия смотрит на меня, как на свою жертву, и только выжидает, пока ее интриги раздавят меня, может быть, руками самого правительства и православного духовенства. Неудивительно, что сами русские чиновники и гражданские начальства скорее угождают той партии, нежели поддерживают меня в моем шатком положении». В заключение он писал о личном отношении к ситуации: «Я не обвиняю никого в нынешнем моем положении. Оно есть необходимое последствие подвига, которому я посвятил себя добровольно. Для совершения оно не избегал никаких затруднений, никаких личных опасностей; я подавил в себе всякое самолюбие и честолюбие; я не отвергал никаких распоряжений, лично для меня вредных, и даже по большей части сам их предлагал – словом, я имел в виду один успех благого дела, а себя только утешал совершением оно и достижением цели настоящей моей просьбы. Горько, горько было бы, если бы меня обманула и эта последняя надежда!»

Желание владыки удалиться от дел, повторяемое им несколько раз в прошениях весной 1843 г., не

было удовлетворено. В связи с этим, чтобы наиболее эффективно продолжить начатое Белорусско-Литовской коллегией после ожидавшегося вскорости ее закрытия, владыка постарался найти способ обеспечения единообразия церковной политики относительно воссоединенных. В отчете об осмотре епархий, проведенном им весной и летом 1843 г., он докладывал Св. Синоду: «На что решается один преосвященный, иногда даже опрометчиво, на то другой смотрит боязливо с излишней осторожностью; что один считает полезным, то другой вредным; на что один употребляет одного рода средства, на то другой берет меры совершенно иные, часто противоположные первым. От сего, по разнообразию представлений, и частные распоряжения высшего начальства бывают иногда разные для особых епархий по одним и тем же предметам. Это порождает между духовенством недоумения и ссылки на соседние епархии, а тем самым затрудняет ход необходимых преобразований». Видя, что правительство в этой ситуации, не зная всех местных обстоятельств, не может обеспечить единства действий на местах, высокопреосвященный советовал хотя бы в какой-то мере попытаться добиться этого личными контактами правящих архиереев. Здесь можно видеть его негативное отношение к ликвидации особого для западного региона церковного управления. Но он не стремился оставить за собой коллегию. Ее судьба уже была предreshена. Он лишь предлагал способ ее замещения ради продолжения дела. Этот совет не был услышан.

В августе 1843 г. Белорусско-Литовская духовная коллегия была закрыта по представлению высокопреосвященного Иосифа. Нельзя сказать, что назначенный Секретным комитетом переходный период продлился нужное время, и коллегия полностью сделала все, что могла сделать. Вопрос, почему так случилось, остается открытым, но очевидно: только во власти Н.А. Протасова было оставить в подчинении коллегии управления западных епархий, что лишь одно могло сохранить смысл ее существования, позволить эффективно ее использовать. Так или иначе, после 1843 г. ответственность за завершение внешнего преобразования воссоединенных и восстановление в их среде православной духовности была переложена на епархиальные начальства западных губерний. При этом никакого принятого общего плана действий в отношении бывших униатов не существовало. Складывается впечатление, что после 1843 г. правительство считало проблему решенной и полагало, что западными епархиями уже можно управлять наравне с прочими епархиями Русской Церкви. Местные сложности и обстоятельства в расчет не принимались. Заботились лишь о пресечении незаконного католического прозелитизма.

Закрытие Белорусско-Литовской духовной коллегии вызвало злорадство недоброжелателей владыки в Петербурге и польского католического высшего общества в крае. В Северо-Западных губерниях распускались слухи, что Семашко «прогнали, как собаку, сами православные». В условиях, когда правительство явно не понимало глубину проблемы и не желало принимать его советы, высокопреосвященный осознавал, что без его участия воссоединенные подверглись бы тягостной участи, а он: «...чувствовал себя обязанным заботиться о них и по долгу и по сердечной признательности». К тому же у него оставалось желание еще «потягаться с ними (польской знатью и католическим духовенством – А.Р.) за Русь и Православие». Поэтому владыка не посчитал нужным решительно устраниваться от дел. Он мог бы остаться в столице, стать «дельцом в Синоде», однако, столкнувшись зимой 1843-44 г. с интригами вокруг себя в кулуарах Св. Синода, не захотел участвовать в них, а предпочел удалиться в свою епархию.

Начиная с 1844 г. архиепископ Иосиф лишился возможности прямых контактов с высшей властью. Единственной ниточкой, связывавшей его с правительством, остался обер-прокурор Н.А. Протасов. На него владыка полагался и как на управляющего делами всей Церкви, и как на человека, вместе с которым было успешно совершено воссоединение. В силу этого Протасов хорошо разбирался в проблемах края. Однако граф Н.А. Протасов, по свидетельству современников, вообще не слишком жаловавший епископов, относился к высокопреосвященному Иосифу прохладно из-за независимого характера архиерея-воссоединителя. Поэтому эта ниточка была слаба. С 1844 г. владыка потерял прямое влияние на судьбу всех воссоединенных и оказался управляющим второклассной епархией со стопроцентным униатским наследием и мощным влиянием католицизма и полонизма. Положение осложнялось полным отсутствием местной белорусской православной шляхты и интеллигенции, а также крепостной зависимостью православных крестьян от помещиков-католиков. Господство римского духовенства было подавляющим. Например, в 1863 г. в Виленской губернии на 176

православных священников приходилось 317 ксендзов .

Покинув Петербург, высокопреосвященный Иосиф очень глубоко видел стоящую перед ним проблему. Несмотря на стесненные обстоятельства и ограниченные возможности, он рассматривал свое епархиальное послушание, как сейчас говорят, с цивилизационной точки зрения. Литовскую епархию он представлял ключевым пунктом в духовной и этно-культурной борьбе с Католичеством и полонизмом на западных окраинах империи. Владыка считал себя обязанным «быть как бы оплотом... для других Православных епархий» . Он полагал, что если бы в наиболее ополяченных и окатоличенных трех губерниях края, территории которых охватывала Литовская епархия, Православие не смогло бы возродиться, вдохнуть новые силы в самобытные основы жизни белорусов, то это постепенно и неизбежно распространилось бы на прочие западные губернии. Тогда никакая грубая сила не смогла бы остановить полонизацию. Такова была сверхзадача, которую владыка сам себе поставил. «Труд тяжелый и ответственность опасная, – писал по этому поводу архипастырь в воспоминаниях, – легко поймут хотя сколько-нибудь знакомые со здешним краем и со здешними обстоятельствами» . Он и ранее так смотрел на Литовскую епархию. В 1833 г. во многом именно поэтому он отказался занять Белорусскую кафедру, предпочтя ей Литовскую. По той же причине, несмотря на желание удалиться от дел после закрытия Белорусско-Литовской коллегии и большую занятость в столице, высокопреосвященный сразу после воссоединения активно занимался делами своей епархии . Начиная с 1844 г. он посвятил ей все силы.

Чтобы разобраться в мотивации действий архиепископа, а с 1852 г. митрополита Иосифа в Литовской епархии, необходимо обратить внимание вот на что. Уничтожение Унии кардинально изменило расклад конфессиональных сил в Северо-Западном крае. В одно мгновение Православие из религии меньшинства стало доминирующей по численности Церковью. В то же время Католичество осталось вероисповеданием высшего слоя населения, духовным фундаментом присущего этому слою агрессивного полонизма. Вместе они рассматривали белорусско-литовские территории как несправедливо отторгнутые от Польши, а после 1839 г. и от Рима земли. Все богатое, аристократичное, эстетичное, интеллектуальное было польским и латинским. Все незнатное, бедное, убого невзрачное по наследству перешло из Унии в Православие. Теперь оно, невзирая на юридический статус господствующего исповедания, превратилось здесь в «хлопскую» религию. Закрепление новых позиций Православия после воссоединения не могло пройти успешно без разрушения этого стереотипа, без того, чтобы в глазах народа потеснить Католичество на его блестящем пьедестале, поставить местную Православную Церковь хотя бы с ним вровень. Католицизм и полонизм шляхты, помноженные на крепостную зависимость крестьян, представляли собой крайне опасную для белорусов гремучую смесь. «Дом каждого польского помещика, дворянина и даже простого застенкового шляхтича (таких же домов в западном крае не одна тысяча, а многие десятки тысяч), – свидетельствует В.И. Назимов, – без всякой предвзятой мысли хозяина, в силу естественного порядка вещей, представлял собою подобие элементарной школы, в которой вся прислуга и другие разночинцы из аборигенов страны охотно и без всякого принуждения усваивали себе польскую речь, польские «обычаи и польские воззрения». Такая добровольная натурализация совершалась не столько вследствие свойственной каждому простолюдину переимчивости, которая с такой силою проявляется в детском возрасте людей и народов, или вследствие естественного желания сблизиться с высшим, интеллигентным и могущественным дворянским сословием, но преимущественно в силу глубокого убеждения, что только полное ренегатство откроет этим приниженным существам возможность выйти из своего жалкого и трудного положения» . Отсюда становится понятным, что в случае, если бы Православие не сумело победить Католицизм, положив конец его влиянию на широкие массы крестьян, то на Западе и Северо-Западе современной Белоруссии вместо белорусов были бы костельные поляки. Тогда речи о существовании современной Республики Беларусь просто не было бы.

Исходя из понимания губительности для белорусов латинства и полонизма, митрополит Иосиф в Литовской епархии стремился добиться, чтобы воссоединенное духовенство перестало считать себя ниже ксендзов, чтобы белорусы перестали видеть в себе людей второго сорта, а начали гордиться своим русским именем, т.е. принадлежностью к могучему многочисленному русскому православному народу. Для достижения этой цели нужно было окончательно внешне и внутренне довершить слияние

воссоединенных с древлеправославными, а также продемонстрировать людям всех сословий, что духовные силы Православной Церкви поддержаны всей мощью православного российского государства.

Сразу надо оговориться: никакое подавление белорусского языка, белорусской народной культуры, насильственная русификация владыкой не подразумевались. Во-первых, белорусский язык и вся белорусская культура были в это время сосредоточены исключительно в фольклоре. В начале 1840-х гг. белорусской интеллектуальной элиты, которая могла бы заявить о наличии белорусских религиозных, языковых и культурных интересов, не существовало. Белорусы называли себя русскими. Об этом писал Е. Карский. Они, очевидно, в языке, традициях, обычаях, быте отличались от великороссов, но отличались не настолько сильно, чтобы можно было говорить о них как о сформировавшемся отдельном народе. Эти отличия по большому счету были результатом длительного политического разделения с прочими русскими, а также литовского и польского господства, но не врожденных первоначальных различий. Именно так на белорусов и украинцев смотрели многие русские сановники. Например, Д.Г. Бибииков в 1839 г. предложил план русификации западных губерний. Ее он видел: в ослаблении влияния польской и полонизированной шляхты и римского духовенства, особенно в сфере народного образования; расширении непольского землевладения; вытеснении польских патриотов из государственного аппарата; недопущении увеличения доли участия польского капитала в экономической жизни края и проч. . Никакого плана, направленного к тому, чтобы заставить белорусов и украинцев в быту говорить по-великорусски, подавить их народную культуру, превратить в великороссов, он не предлагал. Более того, в декабре 1839 г. указом императора Николая Павловича предписывалось, чтобы приходские священники в западных губерниях по возможности читали в воскресные и праздничные дни проповеди на простом общепонятном языке, а также проводили на нем катехизические беседы. Очевидно, что этот указ был направлен против употреблявшегося в проповедях воссоединенным духовенством, получившим образование и воспитание в польских школах, польского языка и вел к повышению значения белорусского. Это опровергает широко распространенное в последние годы мнение, высказанное еще В.Ю. Ластовским, что униатское духовенство говорило по-белорусски и Уния была «запраудной народной верай» .

Митрополит Иосиф, который сам был уроженцем Украины, лучше многих знал, что в границах русского мира существует множество диалектных и культурных особенностей. Он считал их естественными. Нивелировать белорусов по великорусскому образцу он не считал нужным. Например, в ответ на указ императора о проповедях на простонародном языке владыка издал распоряжение своей епархиальной консистории от 13 января 1840 г. «О введении по церквам проповедей на простом общепонятном языке, а также бесед из катехизиса» . В пояснении консистории относительно этого распоряжения владыка сообщал, что невозможно дать местному духовенству каких-либо подробных наставлений по его исполнению, поскольку на белорусско-литовских территориях населением употребляется множество «разнообразных наречий» . Далее он продолжает: «... я считаю необходимым снабдить священников Литовской епархии образцовыми на русском языке проповедями по предметам, относящимся особенно к кругу приходских поучений, так как большая часть сих священников, получив прежде воспитание в польских училищах, не знают хорошо русского языка, и не будут в состоянии в своих поучениях на простонародных тамошних наречиях применяться к общему духу русского языка» . Образцовые проповеди на русском языке, как явствует из этого текста, были необходимы, чтобы, с одной стороны, священники могли использовать незнакомую для них славяно-русскую богословскую терминологию, которой в белорусских диалектах не существовало; с другой стороны, чтобы они сами учились говорить на одном языке с пасомыми, опираясь на более развитый родственный язык. Нельзя не видеть, что такой подход способствовал сближению диалектов, создавал предпосылки для формирования общепринятого литературного белорусского языка. Одним словом, владыка видел в белорусской народной культуре и белорусском языке не врага, а союзника против полонизма. Тем самым он способствовал их развитию.

Деятельность митрополита Иосифа в Литовской епархии в 1840-50-е гг. можно разделить на два периода.

С 1839 по 1847 г. его усилия были направлены на то, чтобы продемонстрировать народу и духовенству

силу Православия, в которое они вернулись через воссоединение. Этим же он стремился показать католическому дворянству и ксендзам, что время их господства закончилось. В эти годы владыка старался с возможной пышностью совершать архиерейские богослужения, лично объезжал епархию, превращая посещения разных мест в торжественные события. Испросил у правительства значительные средства на восстановление и благоустройство древних храмов, приобретение и приведение в достойный вид зданий для своих викариев. Особым в этом отношении событием стал перенос епархиального управления и Литовской семинарии в Вильно, где владыкой были устроены прекрасные помещения для начальствующего духовенства и учащихся. Также он купил возле Вильно имение Тринополь, в котором разместил резиденцию литовских архиереев. Все должно было свидетельствовать о наступлении новой эпохи в религиозной жизни края.

В эти годы еще одной его мыслью было распространить миссию на костельных поляков и униатов Холмщины. Костельных поляков, т.е. белорусов и украинцев, переведенных из Унии в Католицизм за предшествующие воссоединению 30 лет, насчитывалось не менее 1 000 000 человек.

Второй период начался с заключением конкордата между Российской империей и Апостольской столицей в 1847 г. Этот период продолжался вплоть до начала восстания 1863-64 гг. Он характеризовался польско-католической реакцией, которая не пошатнула плоды воссоединения, но серьезно затормозила укрепление позиций Православия. Главной проблемой митрополита Иосифа в это время было охранение паствы от нападков как со стороны польского общества и римского духовенства, так и со стороны чиновников, по разным причинам противодействовавших укреплению Церкви. Одновременно владыка вел обычные дела епархиального управления, заботился о состоянии храмов, повышении образования и материального положения духовенства, образовании прихожан. В целом деятельность высокопреосвященного Иосифа в Литовской епархии была направлена на завершение внешнего воссоединения. Благолепное состояние храмов, правильное богослужение, проповедь, ревностное отношение священников к своим обязанностям он считал главным. Внешние изменения постепенно и без принуждения должны были способствовать слиянию воссоединенного и православного народа в формах благочестия. Одновременно владыка стремился к тому, чтобы в глазах людей православные храмы были не хуже костелов, а священники по авторитету и влиянию стояли вровень с ксендзами. В этом он видел основные предпосылки для решения поставленной им перед самим собой задачи. Его усилия столкнулись с большими сложностями.

Церковностроительное дело, энергично начатое сразу после воссоединения, практически остановилось уже в середине 1840-х гг. Правительство, распорядившееся церковными доходами, не выделяло достаточно средств на содержание, ремонт и строительство храмов. Со всей очевидностью это показала инспекция Литовской, Полоцкой, Минской и Могилевской епархий, произведенная владыкой по высочайшему повелению в 1845 г. Положение только усугубилось после 1851 г., когда обязанность наблюдать за состоянием православных церквей была законодательно возложена на помещиков, большинство из которых были католиками. Они сделали все, чтобы церкви в их имениях выглядели убого и ветшали. Некоторый сдвиг наметился в царствование Александра II. Однако в отчете за 1863 г. виленский гражданский губернатор Панютин писал: «Часть церквей помещается в частных домах, другая в полуразрушенных деревянных зданиях, едва имеющих подобие церквей». Только после восстания 1863-64 гг. строительство и благоустройство храмов сдвинулось с мертвой точки. Но и тогда церкви строились по упрощенным типовым проектам, небольшие на фоне костелов, со злоупотреблениями подрядчиков, крайне некачественно. Таким образом, высокопреосвященный так и не сумел добиться в этой сфере крупных сдвигов. Впрочем – это была не его вина.

Большие усилия митрополит Иосиф прилагал к преобразованию приходского клира. Воссоединенное духовенство под его руководством прошло значительный путь, и владыка справедливо гордился этим. Но здесь стоит обратить внимание на следующее. Духовенство принесло из унии весьма специфические черты, которые в значительной степени повлияли на утверждение Православия. В исторической науке, прежде всего дореволюционной российской, много говорится о бедственном материальном положении приходского униатского клира, невысоком уровне его образования, пастырских качествах, а также низком социальном статусе как священников «хлопской» религии. Во многом эти замечания справедливы, но они слишком часто основываются на сравнении состояния униатских священников 1820-х гг. с положением ксендзов и православного духовенства того же

времени. Однако все обстояло не столь однозначно.

Знакомство с жалобами членов Брестского капитула создает впечатление ужасного состояния униатских священников и их семей. Они чуть ли не голодали и чувствовали свою приниженность. При этом они жаждали исправления ситуации, готовы были бороться и за материальное благополучие, и за то, чтобы занять в церкви более значительное положение. Но реальность вряд ли была столь мрачной, а вот амбиции священников действительно были велики.

Дело в том, что в сознании польской элиты и в глазах простых крестьян-униатов духовенство униатской церкви стояло ниже чисто латинского. Тем не менее, согласно издавна привнесенной на белорусские земли польским шляхетством социальной иерархии, оно вслед за ксендзами входило в шляхетское сарматское общество с вытекающими отсюда этическими нормами и стереотипами поведения, скорректированными духовным служением. В частности, это проявлялось в том, что священники по-пански презрительно вели себя с пасомыми. В воссоединенном духовенстве такое отношение замечалось и через десятилетия после Полоцкого собора. Это усиливалось тем обстоятельством, что, как известно, многие белорусско-украинские священнические роды по меркам Речи Посполитой действительно относились к благородному сословию. Отсюда вытекала достаточно тесная связь униатских пастырей с местными польскими и полонизированными помещиками и шляхтой. Эта связь в 1820-х гг., по свидетельству протоиерея Плакида Янковского, часто переходила в дружбу, особенно там, где помещики и священники имели сходное образование и общие школьные воспоминания. В итоге белое униатское духовенство оценивало себя достаточно высоко, но не было удовлетворено своим социальным положением и местом в структуре Греко-католической Церкви. Оно стремилось к большему: добиться в глазах местного общества равного положения с римскими ксендзами.

В тесной связи с социальным положением униатских священников находилось их материальное благосостояние. По свидетельству Плакида Янковского, они, не будучи богатыми, тем не менее, были крепкими, рачительными хозяевами. Священники получали плату за совершение треб, многие владели населенными имениями, могли свободно вести доходную хозяйственную деятельность, как, например, отец самого митрополита Иосифа. К тому же они получали значительную материальную поддержку от землевладельцев, за счет которых, помимо прочего, учили детей в гимназиях и семинариях. Их вполне удовлетворительный достаток обнаружился при приведении в жизнь положения 1842 г., согласно которому воссоединенное духовенство лишалось доходного имущества, заменявшегося казенным жалованием в соответствии со штатными расписаниями. В 1810-20-х гг. униатские священники, жившие по доходам вровень с состоятельной шляхтой, конечно, желали большего. Вновь примером для них являлись богатые римские ксендзы. Таким образом, к заявлениям о бедственном материальном положении священников нужно относиться скептически.

Наконец, белое духовенство в Унии чувствовало себя вполне комфортно. К нему не предъявлялось серьезных требований ни по образовательному уровню, ни в повседневной пастырской деятельности. Священники мало зависели от власти архиереев, которых не видели годами. В Унии все делалось не спеша, по-домашнему, по давно утвердившейся традиции, опирающейся на жесткую иерархию внутри самого белого духовенства, а также систему завуалированных или вполне легальных взяток.

Священники не боялись церковного суда, решения которого в большинстве случаев были предопределены, перевода на другой приход или вообще каких-то серьезных осложнений. В большей степени они зависели от взаимоотношений с местными землевладельцами, пользовавшимися правом презенты. Показательна тревога белых униатских священников по поводу недовольства римского духовенства и базилиан Главной католической семинарией при Виленском университете. Опасались, что споры вокруг семинарии привлекут внимание папы. Его вмешательства как строгого и нелицеприятного высшего судьи никто не хотел. Он мог потревожить теплый и комфортный униатский мирок.

Стремление белого униатского духовенства во всех отношениях стать вровень с ксендзами было в значительной степени подоплекой жалоб Брестского капитула. Оно, по сути, было очень странным. Странно, если пастыри бедного народа живут богато, а крепостные крестьяне-униаты влачили жалкое существование. С этой точки зрения униатскому клиру не имело смысла брать пример с латинских священников, паству которых в значительной части составляли польские землевладельцы и зажиточная

шляхта. Странно и желание возвыситься до уровня латинских ксендзов в глазах местного польского общества. Такое было невозможно в принципе. Станным выглядит и мир униатского духовенства. Тем не менее, если обратить внимание на эти странности, становится очевидным, что соединение с православным духовенством вело униатских священников к уравнению с ним в материальном обеспечении, правах и общественном положении. Это означало отказ от прежних претензий, отчуждение от шляхты, потерю материальной помощи от помещиков-католиков, понижение социального статуса не только в глазах высшего общества в крае, но и в представлении пасомых. В 1832 г. владыка Иосиф так описывал страхи униатских священников: «Униатское духовенство... уверено, что сколь ни незавиден жребий униатского духовенства в сравнении с римлянами, но еще довольно сладостен, чтобы променять оный на участь духовенства греко-российского» . Несмотря ни на что, униатское духовенство отозвалось на призыв владыки Иосифа и пошло на воссоединение. Некоторые историки утверждают, что священники согласились на Православие из меркантильных соображений, не желая потерять приходы. Такое мнение не выдерживает критики. Нельзя забывать: они потеряли гораздо больше – материальную помощь и благосклонность влиятельных помещиков. Чтобы хоть как-то поддержать священников, правительство выделило им во время воссоединения 360 000 рублей в качестве единовременного пособия , что было очень немного. То есть меркантильные соображения если для кого-то и играли какую-то роль, то совсем не такую значительную, как ей приписывают. Исходя из этого, скорее надо признать, что духовенство восприняло религиозную и народную правду упразднения Унии, доверившись архиерею-воссоединителю.

После Полоцкого собора высокопреосвященный Иосиф постарался сделать духовенство главной опорой Православия в крае. Оно должно было воспрепятствовать влиянию на белорусов католических священников, которые одновременно с Католичеством проповедовали полонизм. Владыка понимал, что для этого нужно ждать прихода новой генерации белорусских священников, не отягощенных униатским наследием. С этим связана его неослабная забота о духовных школах епархии. Тем не менее, и духовная молодежь, дети воссоединенных священников, несла на себе отпечаток Унии, что влияло на развитие юного белорусско-литовского Православия. Н.Д. Извеков пишет, что в начале 1860-х гг. в священниках был заметен дух исключительности, нередко переходивший во враждебность ко всему русскому и пристрастность к Польше . Здесь, очевидно, присутствует некоторая степень преувеличения. Под пристрастностью к Польше Извековым, скорее всего, подразумевалась продолжающаяся привычка духовенства говорить по-польски вне храма. Но, без сомнения, шляхетские привычки тоже имели место. Несмотря на это, владыка не хотел ставить вопрос об огульной замене духовенства. С одной стороны, он чувствовал себя обязанным этим людям, с другой – знал, что это не приведет к положительным результатам. В 1841 и 1842 гг. он пытался использовать древлеправославное духовенство, попавшее в его распоряжение от Полоцкой и Минской епархий, для замещения должностей благочинных, а также пробовал пригласить достойное духовенство из внутренних епархий России, о чем свидетельствует его переписка с их правящими архиереями. Эти духовные лица не оправдали его надежд. Благочинные из древлеправославных, по воспоминанию архипастыря, «вместо ожидаемого скорейшего слияния, отдаляли оное неуместными притязаниями к смиренному воссоединенному духовенству, так что нескольких нужно было сменить» . Прочие чаяния тоже очень быстро рухнули: «Удалось приобрести несколько достойных духовных, по личному случайному выбору; остальные прибыли, каких и не желал и не ожидал – с трудом мог сбить с рук. Тут я еще более удостоверился, сколько вреда принесло бы последование совету иных, чтобы к воссоединенным приходам назначать древлеправославных священников – кроме вреда, наделали бы только гадостей . Разумеется, переселяются только такие, которые не могут получить места у себя» . Униатское наследие было не единственной преградой усилиям митрополита Иосифа по воспитанию духовенства. На этом пути железной стеной встал закон 1842 г. «Об обеспечении православного сельского духовенства». Согласно этому нормативному документу, священникам западных епархий оставались личные земельные владения, если таковые имелись, но в целом они были лишены дополнительных доходов, а взамен получили государственное жалование. Государство обязывалось обеспечить их домами и землями в количестве 36 десятин на каждый приход. На помещиков возлагалась ответственность за обработку церковной земли крестьянами .

Закон 1842 г. привел духовенство к такой бедности, какой во времена Унии оно не знало. Плата за требы запрещалась, жалование было очень небольшое. Выделение земли и строительство домов шло медленно, потонув в бюрократической неразберихе и разного рода проволочках; компенсацию за потерянные дополнительные доходы священники получили не везде и далеко не в полном объеме; помещики-католики зачастую не позволяли крестьянам исполнять повинности в пользу приходского клира. Уже в 1845 г. материальное содержание подчиненных высокопреосвященный оценивал как «довольно стесненное».

Но это было далеко не все. Во времена унии священники хотя и брали плату за требы, но жили в основном не столько за счет прихожан, сколько за счет своего труда и помощи со стороны дворян-католиков. Вместе с тем, не сталкиваясь с требованиями священноначалия, они не утруждали себя проповедью и моральным воспитанием паствы. То есть для крестьян-униатов они не представляли большого бремени. Кроме того, священники плохо ли, хорошо ли с современной точки зрения, но были тесно и органично вплетены в жизнь общества. После воссоединения все изменилось.

Священнослужители начали получать распоряжения и наставления, которые заставляли их более скрупулезно относиться к священническим обязанностям, поучать народ, оказывая на него моральное воздействие, что было непривычно. У крестьян появился новый моральный цензор и транслятор правительственных идей, не подкрепленных разрушением всеобъемлющего польского господства, который к тому же после 1842 г. оказался для них экономической обузой. Для крестьян повинность в отношении духовенства стала неприятной лишней барщиной – «поповской барщиной», как они ее называли. Для священников же казенные дома, казенное жалование, казенные земли, казенный хозяйственный инвентарь, бедность, из которой не было выхода, перспектива перевода на другой приход, а следовательно, неукорененность на месте жительства среди местного населения – все это в совокупности способствовало развитию индифферентности к пастве, потери тесного контакта с ней.

Играла свою роль и узаконенная в 1842 г. материальная зависимость клира от польских землевладельцев. Священники вынуждены были заискивать перед презиравшими их помещиками. В глазах прихожан это выглядело ужасно. В таких условиях невозможно было добиться усиления влияния православного духовенства, а тем более разрушить представление о Католицизме как о «господской вере». «Духовенство, – писал в 1863 г. виленский губернатор Панютин, – отличается поразительной бедностью и вследствие забот о средствах пропитания, оно апатично относится ко всему, что вокруг него совершается, мало заботясь о своем влиянии на прихожан и резко отличаясь образом жизни от католического духовенства, гордого своим значением и своим сравнительным богатством».

Владыка видел все проблемы и в пределах своих небольших возможностей пытался их преодолевать. Он неоднократно ставил вопрос о необходимости изменить принцип материального содержания священников, испрашивал для них единовременные пособия и проч. Его усилия не привели к переменам в лучшую сторону. Можно говорить о том, что после 1842 г. в отношении воссоединенного духовенства правительство повело абсолютно неправильную политику. Это в конечном итоге признал святитель Филарет Московский. В 1859 г. он написал: «К прискорбию, нельзя отрицать, что в двадцатилетнее время после полоцкого акта 1839 года, совершилось много событий, и сделано немало ошибок, которыми могла воспользоваться латинская пропаганда. Связь воссоединенного духовенства с его паствою, которая оказалась довольно удовлетворительною во время воссоединения, и должна бы более укрепляться временем, оказывается, напротив, недовольно крепкою. Требуется особенное внимание, чтобы поддержать сие духовенство и связь его с паствою».

Невзирая ни на что, митрополит Иосиф не опускал руки. Он ободрял священников, не акцентировал внимание на недостатках, а всячески подчеркивал успехи. Руководя строго, никогда не позволял себе раздражительность. Главными принципами его отношения к подчиненным всегда оставались постепенность, справедливость, сочувственное понимание. В докладах Св. Синоду о духовенстве он неизменно был оптимистичен: «Оно (духовенство Литовской епархии – А.Р.) во всех отношениях идет вперед к единообразию с духовенством древлеправославным, – единообразию необходимому для ближайшего слияния воссоединенного народа с Православной Церковью». В исторической перспективе митрополит Иосиф оказался прав. Это доказала проверка восстанием 1863-64 гг., которую белорусское священство прошло с честью. После восстания правительство осознало свои ошибки и по-

настоящему решило проблему повышения социального статуса и материального положения православного духовенства. Тогда же значительно вырос авторитет и влияние священников. Они стали действительно фундаментом Православия и повели за собой народ к окончательному духовному слиянию с полнотой Русской Церкви.

Таким образом, высокопреосвященный Иосиф не сумел в 1840-50-е гг. добиться усиления авторитета и влияния духовенства, в котором он видел главную опору Православия в белорусско-литовских землях. Вина за это целиком лежит на правительстве империи. Но он сумел во многом перевоспитать старых воссоединенных священников и привести в Церковь новое поколение белорусских пастырей. В 1869 г. в Литовской епархии было 480 священников, закончивших Литовскую семинарию, 12 выпускников академий, 4 получили образование в Главной католической семинарии, 3 имели за плечами только гимназию, 60 относились к категории старых и малообразованных. С этим духовенством владыка прошел испытание польским восстанием 1863-64 гг., и священники не обманули его ожиданий. В исторической перспективе большой заслугой Литовского митрополита является сохранение древних белорусских священнических родов. Соединенные с великорусским духовенством, но будучи плотью от плоти белорусского народа, они хорошо знали его особенности, быт и нравы. Они чувствовали, что этот народ, русский по культуре и языку, все-таки имеет свои собственные черты. И дело здесь не в налете полонизма, который они считали враждебным по отношению к белорусам. Их роль в дальнейшем становлении белорусской нации еще ожидает своего исследования.

В итоге в 1840-50-е гг. деятельность владыки Иосифа по возрождению Православия в воссоединенной пастве столкнулась со значительными сложностями. У правительства не существовало продуманного плана по расширению позиций Православной Церкви в западных губерниях после Полоцкого собора. Оно не видело огромного масштаба проблемы. В результате им не был использован большой потенциал Белорусско-Литовской духовной коллегии, который можно было направить на проведение единообразной церковной политики в отношении бывших униатов. В связи с этим митрополит Иосиф в начале 1840-х гг. попал в очень трудное положение: а) со всех сторон его окружили или ненависть, или непонимание; б) после 1843 г. он лишился возможности влияния на всех воссоединенных и оказался низведенным до уровня простого епархиального архиерея. Тем не менее, владыка очень широко видел стоящие перед ним задачи. Литовскую епархию он представлял себе той территорией, которая является ключевой в противостоянии польской католической и русской православной сил. От успеха укрепления здесь Православия зависела судьба всего белорусского народа, поскольку речь шла о подрыве векового господства над белорусами полонизма и католицизма в их эпицентре. Литовскому митрополиту не удалось решить все поставленные им самим перед собой задачи. Он не сумел в глазах народа потеснить латинство, поставив Православие наравне с ним. Вина за это лежит на правительстве, которое, подчинив себе православные церковные структуры, превратив их в свой придаток, не предоставило Церкви все необходимое для расширения ее позиций после воссоединения. Ни церковностроительное дело, ни улучшение положения воссоединенного духовенства – по мнению владыки, главные условия достижения поставленных им задач – в это время не достигли должного уровня. В то же время усилиями архиерея-воссоединителя монополия польского костела и полонизма в Северо-Западном крае все-таки была разрушена, а Православие пусть медленно, но возвратилось в духовную жизнь некогда униатской паствы.